

Е. В. Камараули
Воронежский государственный университет, Воронеж,
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Елец, Россия. katarauli@bk.ru

ГОРОД И УЕЗД НА ЮГЕ РОССИИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII В.: ФОРМИРОВАНИЕ СЛУЖИЛОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ ГОРОДСКИХ ПРИБОРНЫХ ЧИНОВ ВОРОНЕЖА

В русле изучения колониционных процессов, протекавших на южнорусских окраинах на рубеже XVI–XVII вв., рассматривается правительственная стратегия по формированию городского военно-служилого сообщества и землеустройству приборных чинов – первопоселенцев на степном пограничье. На примере Воронежа и уезда впервые предпринимается попытка локализовать на местности землевание прибора и показать его размещение на карте при помощи ГИС-технологий.

Ключевые слова: землевание, землеустройство, приборные чины, служилые люди, уезд, город, Юг России, XVI век, XVII век, ГИС-технологии, Воронеж

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-68-00011, <https://rscf.ru/project/24-68-00011/>) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина».

В конце XVI в. в степной и лесостепной полосе, лежавшей южнее тульских и рязанских земель и именуемой в источниках «Подем», развернулось активное градостроительство [Багаей, с. 52; Глазьев 2019, с. 104; Загоровский 1987, с. 3–4; Загоровский 1991, с. 188–189; Ляпин, 2017, с. 58; Папков, с. 80]. Строителями и первыми жителями крепостей на «Поде» – Воронежа, Ливен, Ельца, Оскола, Белгорода и других – становились «прибранные» на службу стрельцы, казаки, люди «пушкарского чина» [Глазьев 2020б, с. 80; Ляпин 2019а, с. 179; Мизис, с. 201]. Формирование вооруженного сообщества городских служилых людей по прибору на Юге России и складывание его землевания стали частью колониционных процессов.

Дискуссия о характере колонизации¹ южных окраин была начата в XIX в. Постановка вопроса выглядела следующим образом: правительство санкционировало возникавшие на месте социально-экономические отношения или само их формировало? Д. И. Багаей выдвинул тезис о «государственной» колонизации, отметив, что «правительство играло чрезвычайно важную роль в деле заселения степной окраины» [Багаей, с. 131]. Советские исследователи пришли к выводу о сочетании народной и правительственной колонизации. По мнению А. А. Новосельского, правительственные оборонительные мероприятия открыли путь для народной колонизации [Новосельский 1948, с. 161–166]. М. Н. Тихомиров увидел правительственную колонизацию «в постепенном закреплении края, вероятно, уже отчасти обжитого предшествующей крестьянской колонизацией» [Тихомиров, с. 422]. В. П. Загоровский вначале обосновал тезис о «вольной народной колонизации степной окраины», считая казачество движущей силой освоения «Поля» [Загоровский 1969, с. 22–23], но позднее скорректировал свою точку зрения в пользу «государственной колонизации» [Загоровский 1991, с. 189]. «Народная» и «государственная» колонизация были скорее тесно переплетенными процессами, одновременно протекавшими на южных рубежах. А. В. Милов отметил активность Русского государства в создании «всеобщих условий производства», в частности в строительстве пограничных городов-крепостей [Милов, с. 561]. М. Ю. Зенченко поставил вопрос о многовариантности колониционных процессов на южной окраине [Зенченко, с. 196]. К настоящему времени процессы строительства городов и создания оборонительных сооружений на южных

¹ Под колонизацией мы понимаем процесс заселения и хозяйственного (земледельческого, промыслового и т. п.) освоения новой территории.

рубежах хорошо изучены [Глазьев 2019; Глазьев 2020б; Загоровский 1969; Загоровский 1987; Мизис, Напольникова]. Слабее мы понимаем социальные процессы, протекавшие на пограничных территориях в момент их вхождения в состав государства. Заселение южных окраин происходило зачастую стихийно, не всегда оно изначально контролировалось правительством, но власть старалась внедрить в освоенных землях сложившиеся в центре формы государственной организации.

Государство допетровской эпохи, обладавшее ограниченным числом администраторов, могло реализовывать крупные проекты только с опорой на местные сообщества. С этой точки зрения перспективным выглядит изучение отношений двух корпораций, возникавших на Юге: сообщества военного населения города (в основном, приборного) и сообщества служилых людей уезда (в основном, по отчеству) в той сфере, которая стала основой для социальных взаимоотношений эпохи, – в землевладении. Важно подчеркнуть, что на Юге города-крепости возникли в 80–90-х гг. XVI в., раньше уездов, а городские приборные чины как военные и землевладельческие сообщества появились прежде, чем корпорации дворян и детей боярских. Формирование уездов вокруг большинства городов на «Поле» происходило во втором десятилетии XVII в.² [Глазьев 2018, с. 42–43; Глазьев 2019, с. 105; Зенченко, с. 171–172, 189].

История приборных чинов изучена слабо. Н. П. Павлов-Сильванский поместил приборные чины «между природным дворянством и тяглыми людьми», отметив, что они «служили на жаловании и наделялись, сверх того, подобно крестьянам и посадским людям, мелкими земельными дачами» [Павлов-Сильванский, с. 188–189]. Д. И. Багалея писал, что «служилые люди, которых правительство поселяло в новых городах степной окраины, были здесь первыми прочными поселенцами» [Багалея, с. 58]. А. А. Новосельский сблизил приборные чины с крестьянами, считая порядок их землепользования «крестьянским» [Новосельский 1938, с. 21]. А. В. Чернов выделил особенности стрелецкого землеустройства: «земельные угодья отводились стрельцам сразу на целый отряд (приказ, сотню) и не по наличному числу людей, а по штату» [Чернов, с. 85, 88, 90]. А. Л. Станиславский утверждал, что «приборные люди не считались владельцами земли и их землевладение было еще более условным, чем дворян-помещиков» [Станиславский, с. 16].

Локальные служилые сообщества остаются в центре научного внимания [Дубман 2017; Дубман 2019; Кадерова 2012; Кадерова 2013; Ляпин 2009]. В рамках обобщающих трудов заново поставлен вопрос о положении военно-служилого населения в составе русских городов допетровского периода [Флоря 2021; Флоря 2023; Аракчеев, с. 315; Никитин]. Любопытной выглядит гипотеза Н. Н. Петрухинцева о принадлежности «служилых по прибору» к «городу» как военно-территориальной корпорации, что заставляет пересмотреть представление о служилых «городах» как о дворянских объединениях [Петрухинцев, с. 167]. Формирование землевладения уездных корпораций давно находится в фокусе внимания историографии [Козляков 2000; Козляков 2019, с. 8–19, 26–36; Лаптева; Назаров]³, но земельные владения городских корпораций остаются почти неизученными. Между тем в свете сказанного выше о том, что на окраинах возникновение городов предшествовало формированию уездов и долгое время городские сообщества по численности и военной силе превосходили уездные, вопрос о служилом землевладении города заслуживает специального изучения. Интересен не столько сам

---

² Исключением был Елец, где детей боярских испоместили в 1592–1594 гг., одновременно с возведением крепости, что повлекло за собой раннее складывание уездной территории (см.: [Российская крепость, с. 65, 93, 94, 192–208]).

³ В новейшей работе В. Н. Козлякова содержится подробный обзор современных исследований по истории служилого «города» как корпорации дворян и детей боярских, историографический обзор истории изучения дворянского сословия в целом (см.: [Козляков 2019, с. 8–19, 26–36]).

факт и нормы наделения земель не детей боярских, сколько расположение на местности и качество реальных земель приборных людей. В исследовании мы ставим целью выявление долгосрочной стратегии правительства, примененной при землеустройстве служилых людей на Юге России в конце XVI – начале XVII в., сделав акцент на изучении группы городских приборных чинов. Рассмотрев процесс рождения городского военного сообщества, мы перейдем к решению основной задачи исследования – локализации на местности и нанесению на карту-схему пахотных земель и сенокосов, основных сельскохозяйственных угодий приборных людей. Географически исследование охватывает город Воронеж и уезд, где сформировалось типичное для Юга служилое сообщество и сохранились информативные источники.

Решение основной задачи предопределило использование ГИС-технологий⁴, позволивших составить две карты. На первой мы разместили город Воронеж, городские выселки и уездные сельские поселения, существовавшие в примыкавшей к острогу южной части уезда в 1615 г.⁵ (Приложение 1). Далее мы установили примерное расположение сельскохозяйственных угодий городских приборных людей и схематически нанесли очертания пашен и сенокосов на карту с поселениями (Приложение 2). Опишем методику и алгоритм работы по составлению указанных карт. Локализация крупных населенных пунктов наименее сложна, их местоположение и названия устойчивы, поэтому для нанесения точек крупных поселений на нашу карту были использованы карты ресурса OpenStreetMap (OMS)⁶. С их помощью были поставлены точки 38 из существовавших в 1615 г. 52 поселений (73 %), нанесены на карту реки, озера и урочища, сохранившиеся до современности. Остальные 14 поселений (27 %) были локализованы с определенной долей примерности следующим образом. Уточнить местоположение небольших деревень помогли карты XVIII в.⁷ Для локализации починков дали ценную информацию сведения межевых книг Воронежа и уезда за 1615 и 1627–1629 гг.⁸ Карты XVIII в. позволили локализовать озера и урочища, не сохранившиеся до наших дней, но существовавшие в XVIII в. Изучение топонимики дозорной книги 1615 г. сопровождалось привлечением современных топонимических справочников [Загоровский 1973; Прохоров 1973; Прохоров 1981]. Мы локализовали пашенные и сенокосные владения городских приборных людей, привязывая их к местности в среднем 2–4 ориентирами. Приложение 2 представляет собой схематическое изображение, поскольку примененный подход не позволяет установить точные очертания владений, но нарисованная карта дает возможность зримо представить расположение владений на местности, понять, насколько плотно они окружали город.

Источники позволяют осветить два хронологических среза. Срез 1594 г. представлен документами о строительстве воронежской крепости⁹. Большая часть текстов этих документов опубликована Г. Н. Анпиловым [Анпилов, с. 374–403], отдельные тексты введены в научный оборот В. Н. Глазьевым и М. Ю. Зенченко [Глазьев 2018, с. 20–32; Зенченко, с. 197–199].

⁴ Мы использовали ГИС-программу, находящуюся в открытом доступе в сети Интернет (URL: <https://qgis.org/ru/site>).

⁵ Существование Воронежского уезда надежно датируется 1615 г.

⁶ OpenStreetMap (OMS) – открытая географическая база данных. URL: <https://www.openstreetmap.org>.

⁷ Нами были использованы следующие карты: 1) Планы генерального межевания Воронежского уезда Воронежской губернии // РГАДА. Ф. 1356 (Губернские, уездные и городские атласы, карты и планы генерального межевания 1766–1883 гг.). Оп. 1. Ед. хр. 98/713; 2) Карта Воронежской провинции Г. Делиля. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55003140r?rk=21459;2>; Bibliothèque nationale de France, GE BB-124 (57RES); <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55003137g?rk=42918;4>; Bibliothèque nationale de France, GE BB-124 (58RES); 3) Карта Воронежского наместничества // ОПИ ГИМ. Картографическая коллекция. Ед. хр. ГО-109.

⁸ [Материалы, с. 133–138]; Межевые книги Воронежского уезда 1627–1629 гг. // РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент). Оп. 1. Д. 76. Ч. 1–2. Л. 999 об.–1104 об.

⁹ Город (крепость) Воронеж был построен в 1586 г. Но в 1591 г. крепость была сожжена черкасами, поэтому в 1594 г. ее деревянные укрепления восстанавливались.

Срез 1615 г. представлен дозорной¹⁰ книгой Воронежа и уезда [Материалы, с. 1–141], единственным источником, позволяющим изучать раннюю историю землевладения городских чинов, поскольку два позднейших писцовых описания¹¹ охватывают только уезд [Камараули 2017; Камараули 2018б; Камараули 2018в].

Рассмотрим, как происходило формирование служилого сообщества городских приборных людей. В конце XVI в. в Воронеже были записаны на службу и обеспечены землями четыре группы, которые в совокупности составляли в конце XVI – первой половине XVII в. городскую служилую корпорацию: стрельцы, полковые казаки, беломестные слободские атаманы и казаки, люди «пушкарского чина» (пушкари, воротники, затинщики, казенные сторожа, плотники, кузнецы). Правительственными распоряжениями в воронежский гарнизон предписывалось набрать 200 стрельцов и 300 полковых казаков [Глазьев 1989, с. 43–44; Глазьев 2020б, с. 81]. Общим правилом было «прибирать» людей на службу в южные крепости «не с пашен, и не ис холопства» [Российская крепость, с. 118], но случались отступления от этой позиции [Российская крепость, с. 45, 46; Глазьев 1987, с. 24; Ляпин 2019а, с. 181; Ляпин 2019б]. Из правительственных донесений 1594 г. можно понять, что в первый прибор было взято на службу около 200 стрельцов, после чего 50 человек (далее – чел.) из них было переведено в полковые казаки, 100 чел. отправлено в турецкое посольство Д. Исленьева, осталось 46 чел., поэтому начался второй прибор в стрельцы. Новоприборных устраивали дворами в Стрелецкой слободе. Было набрано и поселено в Казачьей слободе указанное число полковых казаков, вверенных казачьему голове Б. Л. Хрущову [Анпилогов, с. 386]. Летом 1594 г. воевода И. Ф. Кобяков записал на службу 20 затинщиков и 1 пушкаря, устроив их дворами в Затинной слободе [Глазьев 2018, с. 28]. Сотник П. Фролов прибрал на службу 50 вольных атаманов и казаков, донских и волжских [Анпилогов, с. 402]. В Воронеж были сведены и размещены в Беломестной слободе атаманы и казаки из городов Данкова и Ряжска [Анпилогов, с. 376, 395]. В 1615 г. стрельцов было 200 чел., полковых казаков – 297 чел., людей «пушкарского чина» – 57 чел., беломестных казаков – 54 чел., беломестных атаманов – 52 чел. [Материалы, с. 21]. Всего в воронежскую крепость было прибрано около 660 чел., что следует считать внушительной численностью по сравнению с гарнизонами других южных крепостей. Например, в рязанских городах и городах от «польной украины» гарнизоны были в два-три раза меньше, в среднем по 200 чел. [Зенченко, с. 50].

Интересно поступление на гарнизонную службу вольных казаков. Вероятно, решающую роль здесь играли шанс на обретение легального социального статуса в русском обществе, неплохое жалованье, возможность нормальной семейной жизни¹². Жалованье казакам полагалось щедрое: 2 рубля – рядовым казакам, 3 рубля – атаманам, хлеба, соответственно, по 4 и 6 четвертей [Анпилогов, с. 402; Глазьев 2018, с. 24]. Хлебная четверть, 6 пудов ржи или 5 пудов ржаной муки [Устюгов, с. 328], – это пропитание человека на сезон. Хозяйственные занятия прибора в конце XVI в. носили преимущественно промысловый, а не земледельческий характер, вокруг Воронежа располагались обширные промысловые угодья [Камараули 2013]. В 1594 г. казаки получили право на эксплуатацию этих угодий взамен выплаты половины денежного жалованья [Анпилогов, с. 390]. Выезд приборных людей на промыслы в отдаленные «ухожаи» на долгий

---

¹⁰ Особенностью дозорных книг была фиксация земельных владений не на основе реального измерения земли, а на основе «сказок» – показаний землевладельцев (см.: [Седашев, с. 16–17]).

¹¹ Писцовая книга Воронежского уезда 1627–1629 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 76. Ч. 1–2. Л. 1–1104 об.; Писцовая книга Чертовицкого стана Воронежского уезда 1684–1686 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 79. Л. 1–164.

¹² По сведениям О. Ю. Куца, нормальная семья на Дону едва ли была возможна в XVII в., только зажиточные вольные казаки заводили жен, преимущественно из пленниц мусульманского вероисповедания, в основном турчанок и татарок, вывоз «с Руси» православных женщин и девушек был единичным явлением (см.: [Куц, с. 119–120]).

срок был возможен только по договоренностям с воеводами или головами, казачьими и стрелецкими [Глазьев 2020а, с. 63], скорее при условии очередности несения гарнизонной службы, например половинами или третями. К 1615 г. мы видим картину, когда у прибора есть устойчивое земледельческое хозяйство, в котором задействованы бобыли и захребетники, в том числе на выселках при отдаленных пашенных угодьях. Земледельческое хозяйство становится важным источником существования приборных людей [Глазьев 2020б, с. 81]. Регулярное денежное и хлебное жалованье уходит в прошлое. В десятне 1622 г. все слободские атаманы записаны с окладами только поместного жалованья [Сторожев].

Верстание окладами было коллективным, единый оклад назначался на категорию приборных людей. Беломестным атаманам полагалось 50 четвертей земли; беломестным казакам – 30; полковым казакам 1-й статьи – 30 (на 175 чел.), 2-й статьи – 20 (на 125 чел.). Разделение на статьи было связано с особыми заслугами перед государем. Стрелецкие оклады: рядовым – 8 четвертей; десятникам – 9; пятидесятникам – 10; стрелецким сотникам из стрелецких земель полагалось 50; сотники и головы назначались из детей боярских. Пушкарям, затинщикам полагалось по 15 четвертей, воротникам, казенным сторожам, кузнецам, плотникам – по 7 [Материалы, с. 21, 22]. Высокий для прибора оклад слободских беломестных атаманов, переведенных сюда из более северных городов, в отличие от массы приборной в службу вольницы, был показателем их более высокого положения в обществе.

Дозор 1615 г. не дает сведений о распашке в хозяйствах приборных людей, но есть данные о величине «пашни паханой» в хозяйствах детей боярских: в пределах 0,125–5,5 четверти на владение. Полагаем, что распашка в хозяйствах приборных чинов не могла существенно превышать эти цифры. Обработка 7–10 четвертей земли соответствовала возможностям одного крупного двора. Распашка же площади в 50 четвертей превосходила возможности семейного хозяйства¹³. Правительство было заинтересовано в заведении пашни приборными чинами, чтобы снять с казенных житниц нагрузку по выплатам хлебного жалованья. Но дальше будет показано, что не все земли, переданные городским людям, были пригодны для обработки.

Отведение земли приборным чинам производил городской воевода. Приборных людей не спрашивали, где и сколько земель они хотят получить. Местные власти, подыскав подходящие по площади урочища, наделили городских людей землями «в оклад сполна», установив границы городского землевладения. Иным способом испомещали детей боярских – в тех урочищах, где помещики сами приищут земли. Процесс приискания лучших земель растянулся на долгие годы. Дети боярские собирали свои поместья из небольших, но удобных для хозяйствования участков по 2, 5, 10 четвертей. В первую очередь они укрепляли за собой кусочки освоенных земель, где земля распаивалась ранее. Во вторую очередь брали в оклады целинные земли («дикие поля»), но не все подряд, а наиболее удобно расположенные участки [Камараули 2018а, с. 41–42; Камараули 2018г, с. 501–502]. Эти участки лежали в разных частях уезда, «тянули» к разным поселениям. Землевладение детей боярских носило «мозаичный» характер, состояло из сложно переплетенных поместных жребиев [Камараули 2015, с. 77], в то время как землевладение городских приборных людей лежало сплошными массивами. У большинства воронежских детей боярских к концу 20-х гг. XVII в. оклады были наполнены реальными землями меньше чем наполовину, у приборных людей оклады были наполнены землями сразу и на 100 %.

¹³ Считаю возможным для общего понимания ситуации привести подсчеты Л. В. Милова об общем уровне затрат труда и времени по всему циклу хлебопашенных работ в крестьянском хозяйстве по западному Черноземью в 50–60-х гг. XVIII в. В среднем, на обработку 1 десятины пашни уходило от 41,35 до 43,45 человеко-дня, от 21,9 до 22,5 коне-дня (см.: [Милов, с. 206]).

Заметим, что пашенная земля в Воронежском уезде повсеместно записана писцами как «добрая», то есть высокого плодородия. В дозоре «худая» земля упоминалась в земельных угодах с. Борового и пустоши Тавровка, «средняя» – в угодах д. Пещанка и с. Животинного [Материалы, с. 32, 33, 36, 62]. В писцовом описании 1627–1629 гг. «худая» земля была отмечена в с. Боровом, д. Пещанке, д. Шиловой на Тавровском поле, в пустошах Тавровка, Яблоновая у речки Тавровки, в пустоши между деревнями Пещанкой и Шиловой, в пустоши в районе устья Воронежа в направлении урочища Червлень Яр¹⁴, «средняя» земля – в с. Животинном и д. Пещанке¹⁵. Таким образом, качество пашенных земель было оценено как удовлетворительное или низкое в угодах единичных поселений и пустошей.

При первичном отведении земли приборные люди получили участки недалеко от городских слобод. В конце XVI в. «пушкарскому чину» было отказано 759 четвертей «в поле, а в дву по тому ж»¹⁶; полковым казакам – 6000; стрельцам – 1624 [Материалы, с. 21, 22], в сумме: 8383 четверти. В переводе на десятины в трех полях – 12 575 десятин, или 13 738 га¹⁷. Возник комплекс городских полей – массив пашенных земель, непосредственно примыкавших к Воронежскому острогу (Приложение 2). К 1615 г. этот комплекс был дополнен «придаточными» к городу землями. Стрелецкие «поля» подверглись перестройке. При Борисе Годунове в Воронеже и других южных городах была заведена десятинная пашня [Миклашевский, с. 267]. Из стрелецких полей было взято под «государевы десятины» 200 четвертей в одном поле¹⁸, столько же передано стрелецким и казачьим сотникам, осталось 1224 четверти¹⁹. Взамен «убылой» земли стрельцы получили те же 400 четвертей, но в другом месте: «за рекой Доном по конец их поль в Торопливом в порозжем луге» [Материалы, с. 22]. Земли нового отведения примыкали к старым сельскохозяйственным угодам, но уходили далеко от острога, что могло затруднить их обработку. Суммарно стрелецкие земли составили к 1615 г. 1624 четверти (2436 десятин в трех полях, или 2661 га).

Городские поля полковых казаков вытянулись к северу и северо-западу от острога в междуречье Дона и Воронежа, доходя до окрестностей д. Подгорной на оз. Подгорном (современное оз. Круглое). Д. Подгорная была городскими выселками пашенных бобылей полковых казаков (Приложения 1, 2). Заметим здесь, что в 1615 г. у воронежских приборных людей, кроме стрельцов, были бобыли, которых они выселяли из своих владельческих дворов, расположенных в городских слободах, и устраивали дворами близ пашенных земель, так образовались городские выселки²⁰. Часть казаков, выделенная в первую статью, получила прибавку к окладу (по 10 четвертей на 175 чел.) и соответствующее количество «придаточных» земель, 1750 четвертей [Материалы, с. 22]. Три новых участка лежали на расстоянии около 10–20 км от Казачьей слободы, по течению Дона, и в районе его правых притоков рек Девицы (Смердячей) и Ведуги. Первый участок казакам «придали» в районе топонима «семь лук», у извилистого участка Дона, на правом берегу. В ближних к нему урочищах лежали уголья уездных помещиков детей боярских: пашни и сенокосы д. Ендовище, с. Малового Тернового и пустоши Монастырище.

---

¹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 76. Л. 529 об., 530, 532 об., 535, 569, 581–594, 983 об., 993, 994 об., 995.

¹⁵ Там же. Л. 85–99, 249, 527, 527 об., 528, 528 об.

¹⁶ Здесь и далее цифры четвертной пашни будут даны в одном поле, если не сказано иного.

¹⁷ Перевод четвертей в десятины осуществляется следующим образом. Например, переведем 50 четвертей в одном поле в десятины в трех полях: $50 : 2 \times 3 = 75$ десятин. Далее переводим десятины в гектары, учитывая, что 1 десятина = 1,0925 га.

¹⁸ Десятинная пашня сохранялась еще несколько лет после проведения дозора. По данным В. П. Загоровского, в 1619 г. обрабатывалось также 100 десятин в одном поле, то есть 300 десятин в трех полях. В 1621 г. десятинная пашня была упразднена и замена натуральным хлебным сбором – десятинным, позднее посопным, хлебом (см.: [Воронежский край, с. 54–56]).

¹⁹ Третьего сотника в 1615 г. у полковых казаков не было, в дозоре записано: «место сотниче убылое».

²⁰ Вопрос о формировании группы зависимого населения у городских и уездных служилых людей планируется рассмотреть в специальной работе.

Второй участок лежал южнее, на правом берегу Дона ниже устья р. Девичи. Третья «придачка» была отмежевана от устья р. Девичи вверх по ее течению по обоим берегам [Материалы, с. 22]. На указанных землях по Дону и Девиче к 1615 г. возникли д. Семилуцкая и д. Девичкая, городские выселки бобылей полковых казаков [Материалы, с. 26, 27]. Еще один участок отвели казакам «за рекою Воронежем к реке Усмани», вдоль течения Усмани, в месте, где стояла д. Алтухова – выселки, населенные бобылями полковых казаков [Материалы, с. 28]. Суммарно земли полковых казаков к 1615 г. составили 7750 четвертей (11 625 десятин в трех полях, или 12 700 га) (Приложения 1, 2). Важно, что названные выше городские выселки, как и окружавшие их пашенные земли, лежали смежно с уездными поселениями и их угодьями.

Атаманам и казакам городской Беломестной слободы в 1594 г. передали под пашни Козарскую поляну и поле у Русского рога – поляну Хныкову. Атаманы отряда М. А. Пруцкого, сведенцы из Ряжска и Данкова, подали челобитную о недостаточном количестве угодий. С их слов, пахотной земли в Козарской поляне было «десятин со ста», то есть около 200 четвертей в одном поле [Глазьев 2018, с. 24; Зенченко, с. 78–79]. Топоним «поляна Козарская» (варианты: «Казарская», «Козарья») переключается с наименованием Козарского городища, располагавшегося в 9 км на север от острога, вверх по течению р. Воронежа [Загоровский 1992, с. 121]. Урочище Русский Рог, располагавшееся также севернее острога на 9 км, стало в 1613 г. местом Воронежского сражения правительственных войск с Иваном Заруцким [Станиславский, с. 73; Глазьев 2018, с. 41–42]. В конце XVI в. поляны Козарская и Хныкова смежно лежали на местности, они локализованы в рамках большого комплекса городских полей – единого массива пашенных земель, непосредственно примыкавших к острогу (Приложение 2).

Поскольку земельных площадей в указанных выше полянах не хватило, чтобы наполнить казачьи и атаманские оклады по сложившемуся для воронежских приборных людей правилу «в оклад сполна»²¹, то земли для них были выделены и в других урочищах (табл. 1).

Таблица 1 Землевладение атаманов и казаков городской Беломестной слободы Воронежа (по состоянию на 1615 г.)

Категория служилых людей	Наименование урочищ, где отведены земли (земля в четвертях)					Всего
	Поляны Козарская и Хныкова	Поляна Песковатая	Поляна Долгая	Пустоши Ямная и Ольховская степь	Селище Кобяково	
Беломестные атаманы	9	5	6	10	20	50
Беломестные казаки	9	5	6	10	0	30

Обширные разнотравно-луговые степи в прошлом повсеместно встречались на Дону-Воронежском водоразделе [Подворонежье, с. 66]. Вероятно, их называют «полянами» южнорусские писцовые книги XVII в. Атаманы получили земли в полянах Песковатой и Долгой, в пустошах Ямной и Ольховской (Ольховой) степи, в селище Кобякове. Суммарно атаманам и казакам Беломестной слободы во всех урочищах было передано 4120 четвертей (6180 десятин в трех полях, или 6752 га) [Материалы, с. 21]. Наиболее отдаленные земельные угодья лежали на расстоянии около 30 км от острога, например поляна Долгая. Уточним расположение атаманских и казачьих «полей» на местности (Приложение 2).

²¹ Напомним для удобства, что оклад казака Беломестной слободы – 30 четвертей, оклад атамана той же слободы – 50 четвертей.

Топоним «поляна Песковатая» совпадает со вторым названием с. Устья, «а Песковатая поляна тож», возникшего в 20-х гг. XVII в. на правом берегу Дона выше воронежского устья (Борщевский стан²²) [Камараули 2018в, с. 100]. В 1615 г. на этом участке поселений не было, но лежали пашни с сенокосами полковых казаков и стрельцов. По нашему предположению, здесь, на правом берегу Дона, и произошло отведение земли беломестным атаманам и казакам, смежно с угодьями других приборных чинов.

На северо-востоке от острога, по берегам р. Усмани, беломестные атаманы получили земли в селище Кобякове. Название селища связано с именем воронежского воеводы И. Ф. Кобякова в 1594 г. [Анпилогов, с. 374–403]. К 1615 г. топоним «селище Кобяково» стал звучать как «селище Бобяково» [Загоровский 1973, с. 69], а на месте селища, где атаманам были отведены пахотные земли, выросла слободка Бобяковская, выселки атаманских бобылей [Материалы, с. 29, 30] (Приложения 1, 2). Вероятно, во время воеводства Кобякова в данной местности велась хозяйственная деятельность. В таком случае вокруг селища лежали участки заброшенной пашни, старинные перелог и залежи, которые к 1615 г. заново распахали бобыли.

На Доно-Воронежском водоразделе, смещенные к левобережью Дона, располагались (на север по направлению от города) смежные пустоши Ямная и Ольховская (Ольховая) степь, затем поляна Долгая. И. Н. Миклашевский описывает территории, тянувшиеся по Дону вверх от устья Воронежа: «по ту сторону (Дона. – Е. К.)²³ к реке Воронежу начинались болота и ольхи, настолько неприступные, что не нуждались в защите» [Миклашевский, с. 115–116]. Название Ольховская степь могло пойти от тех ольховых зарослей, что росли по левобережью Дона выше воронежского устья. В дозоре 1615 г. сказано, что атаманские бобыли починка Рядного «пахали на атаманов пашню в городских землях в Ольховской степи на реке на Дону от Подгорного озера вверх по Дону по верхнюю узголов, ко Мхову болоту» [Материалы, с. 61]. «Узголов», или изголов, может означать верхнюю (северную) межу в конце атаманских полей. Следовательно, пустошь Ольховая степь пролегла или начиналась в районе оз. Подгорного (современное оз. Круглое) и д. Подгорной и тянулась на север, вдоль левобережья Дона, предположительно доходя до оз. Ольхова (современное оз. Ольхолец). Атаманские же поля протянулись еще севернее в направлении к урочищу «Мхову болоту». Моховое болото на левобережье Дона дало название д. Моховатке, возникшей в середине XVII в. [Прохоров 1973, с. 180]. Южнее починка Рядного Ольховая степь сменялась урочищем поляна Долгая. Пустошь Ямная примыкала к Ольховой степи с восточной стороны в районе д. Ямной, городских выселков бобылей беломестных казаков. Пустошь Ямная созвучна с топонимами Яминской луг на левом берегу Дона и Ямное озеро [Материалы, с. 25, 37], последнее дало название д. Ямной [Загоровский 1973, с. 128].

История урочища Долгой поляны и починка Рядного с точки зрения землевладения весьма любопытна. Беломестные атаманы и казаки получили угодья в Долгой поляне. Но урочище было протяженным, большая часть земли в поляне в раздачу пошла не сразу и лежала свободной. Беломестные атаманы обжились и осуществили самовольный захват наиболее удобных участков в Долгой поляне; чтобы застолбить их за собой, они населили захваченные земли бобылями – возник починок Рядный. Из его названия можно предположить, что бобыли дали порядную запись, заключили договор с атаманами, «поряжаясь» пахать атаманские земли. В дозоре 1615 г. о починке Рядном сказано, что «садили бобылей беломестные атаманы на лишние земли и владели без дач, сверх своих дач лишком». Правительство не одобрило займку. В 1615 г. починок Рядный и тяготевшие к нему земли на поляне Долгой были отписаны «на государя»

---

²² Деление Воронежского уезда на станы впервые обозначится в писцовой книге 1627–1629 гг.

²³ В данном случае имеется в виду восточный левый берег Дона.

и переданы в поместья местным детям боярским И. К. Савину, О. Васильеву и столичному подьячему Я. Ключареву.

Восточный участок урочища, «пустошь по конец Долгой поляны к Воронежу от села Чертовицкого», был передан в поместья подьячим Разрядного приказа Я. Ключареву, Г. Ларионову и воронежскому сыну боярскому И. А. Немому [Материалы, с. 60–62]. Починок Рядный, изъятый у городских землевладельцев и переданный землевладельцам уездным, стал уездным поселением.

Завершая разговор о Долгой поляне, обозначим ее примерное местоположение. Захватывая участок донского левобережья в районе починка Рядного и Мохового болота, поляна Долгая вытягивалась по Доно-Воронежскому водоразделу в восточном и юго-восточном направлении – к селу Чертовицкому. Заметим, что через Долгую поляну должна была проходить дорога в центральные уезды – «Большая Московская дорога», как она названа в писцовой книге 1627–1629 гг.²⁴

Казаки были склонны к самовольным захватам земель. Дозор сохранил сведения и о другом подобном случае. В междуречье Воронежа и Усмани казаки заняли участок на поляне Репной и основали на левом берегу р. Усмани д. Репную. В. П. Загоровский упоминает ее ранние названия: «деревня на Репной Поляне», деревня Репная Поляна [Загоровский 1973, с. 110]. Дозорщик записал в 1615 г.: «деревня Репная за помещики, а владели той деревней воронежские казаки сверх своих городских земель лишком, и по государевым грамотам 7123 (1614/1615) году роздано в роздачу, а казаки устроены землями под городом» [Материалы, с. 34]. Речь идет о полковых казаках, именно они были устроены землями «под городом», в то время как поля беломестных казаков лежали в отдалении от острога. Как и починок Рядный, д. Репная была переписана в уезд в ходе дозора 1615 г.

Пашенные земли традиционно дополнялись сенокосами, или, по терминологии дозорной книги, лугами. Существовали пушкарские, стрелецкие, казачьи, атаманские луга. Их расположение на местности выявляется по природным ориентирам: течениям рек Дона, Воронежа, Девицы, Усмани, их устьям, кроме Дона, названиям озер в пойме Дона, урочищ, сохранивших наименования до наших дней. Обозначим численность сенокосных комплексов у приборных чинов: пушкарских – 2 луга; стрелецкий – 1; полковых казаков – 5; беломестных атаманов и казаков – 3. Нормы отведения сенокосов в расчете на человека были одинаковыми внутри категорий прибора. Беломестным атаманам (52 чел.) – по 100 копен; беломестным казакам (54 чел.) – по 60; полковым казакам: 1-й статье (175 чел.) – по 60; 2-й статье (125 чел.) – по 40. Стрельцам: пятидесятникам (4 чел.) – по 20 копен; десятникам (16 чел.) – по 18; рядовым (180 чел.) – по 16. Стрелецким и казачьим сотникам (4 чел.) сенокосы были отведены отдельно в расчете 250 копен на человека. Пушкарям и затинщикам (45 чел.) – по 30 копен, казенным сторожам, кузнецам и плотникам (12 чел.) – по 15 [Материалы, с. 24–26]. Совокупное количество сенокосов у прибора, включая сотников, составило 29 718 копен в 1615 г., что по площади равно 2972 десятинам, или 3247 га, в пересчете копен на десятины в соотношении 10:1 [Устюгов, с. 324]. Для сравнения приведем размеры сенокосов детей боярских в уезде в 1615 г.: 12 196 копен (в пересчете на десятины: 1220 десятин, или 1333 га), их площадь меньше. Произведенная локализация позволила нам выделить четыре местности, где размещались сенокосы приборных людей, тянувшие к их пашенным землям и городским выселкам их бобылей. Первая местность – Доно-Воронежское междуречье и донское левобережье; вторая – незаселенные берега Дона ниже воронежского устья; третья – донское правобережье с притоками; четвертая – бассейн р. Усмани, левого притока Воронежа (Приложение 2).

²⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 76. Л. 27 об., 30 об., 32 об., 47, 52 об.

Начнем с Доно-Воронежского междуречья. На левобережье Дона, в пойме, лежало немало озер, их названия дозорщик использовал для разграничения сенокосов отдельных категорий приборных чинов. Мы использовали озерные гидронимы для локализации сенокосов, положив озера на карту. На этом участке многочисленные луга, начинаясь от острога, шли один за другим. Двинемся в северном направлении от крепости по донскому левобережью. Вблизи острога в урочище Торопливом, доходя до оз. Перекопного, располагался пушкарский луг (Торопливый луг). Выше по течению Дона до оз. Белого лежал луг беломестных атаманов и казаков. От оз. Белого начинался сенокос полковых казаков (луга Яминский и Ольховец). За казацкими лугами снова тянулись луга беломестных атаманов. Начинаясь от оз. Ольхова, эти сенокосы примыкали к атаманским пашням в поляне Долгой. Заметим, что сенокосы на рассматриваемой территории лежали непосредственно в береговой зоне Дона, в пойме и заливных лугах левобережья. Тянувшиеся параллельно пахотные земли (в Ольховой степи, пустоши Ямной, поляне Долгой) были смещены ближе к Доно-Воронежскому водоразделу. Сенокосы на этом участке тяготели к пашням д. Подгорной, д. Ямной и починка Рядного.

Второй большой комплекс сенокосов располагался по берегам Дона ниже устья р. Воронежа, на незаселенной территории. Здесь луга разных категорий приборных чинов также лежали смежно друг с другом. С Ногайской стороны по левобережью Воронежа и Дона тянулись пушкарские сенокосы: от лесного урочища Червленький Яр вниз по Дону до оз. Погонова. По Крымской (правобережной) стороне располагались стрелецкие сенокосы: от воронежского устья вниз по Дону до урочища Гремячий колодезь. Изначально стрельцы косили сено вблизи острога, но к 1615 г. по их лугам проложили выгоны для скотины [Материалы, с. 26], и сенокосы были перенесены.

На правобережье Дона лежали три луга полковых казаков, отведенные к их «придаточным» пашенным землям вблизи д. Девицкой и д. Семилуцкой. Первый участок граничил со стрелецкими лугами, но уходил вверх по Дону до устья р. Девицы. Второй пролегал по берегам р. Девицы. Третий шел от устья р. Девицы вверх по Дону до «семи лук». Наконец, большой комплекс сенокосов располагался по берегам р. Усмани, где луга полковых казаков тяготели к пашенной земле вблизи д. Алтуховой. Беломестные атаманы косили сено на обширном участке, тянувшем к селищу Бобякову и слободке Бобяковской. Что касается водных и лесных угодий, звенья рек Дона и Воронежа вблизи острога, лесные массивы по берегам р. Воронежа были общими для городских жителей [Материалы, с. 24].

Подведем итоги. Сообщество городских служилых людей появилось на Юге в конце XVI в., когда правительство использовало прибор на службу для оперативного заселения новых крепостей; само его появление опережало формирование уездной корпорации детей боярских. Однако итоги нашей реконструкции, включая схематические карты (Приложения 1, 2), показывают, что в землевладение приборных людей с самого начала были заложены ограничения. Земельные площади, отведенные к 1615 г. городским приборным людям под пашни, составили суммарно 14 253 четверти (21 380 десятин в трех полях, или 23 357 га). Для сравнения, уездное землевладение детей боярских в 1615 г. было ненамного больше городского: 17 175 четвертей (25 763 десятины в трех полях, или 28 146 га). Однако важны были не столько размеры землевладения, переданного прибору, сколько качество и размещение земель. Городские люди пришли на степное пограничье первыми и могли за столбить за собой под пашню самые удобные участки территории, получив контроль над очень обширной округой. Но городу не дали возможности выбирать: приборным людям были отведены сплошные массивы земель, включая неудобные, заболоченные, поросшие лесом или толстым слоем дернины, тяжелые для

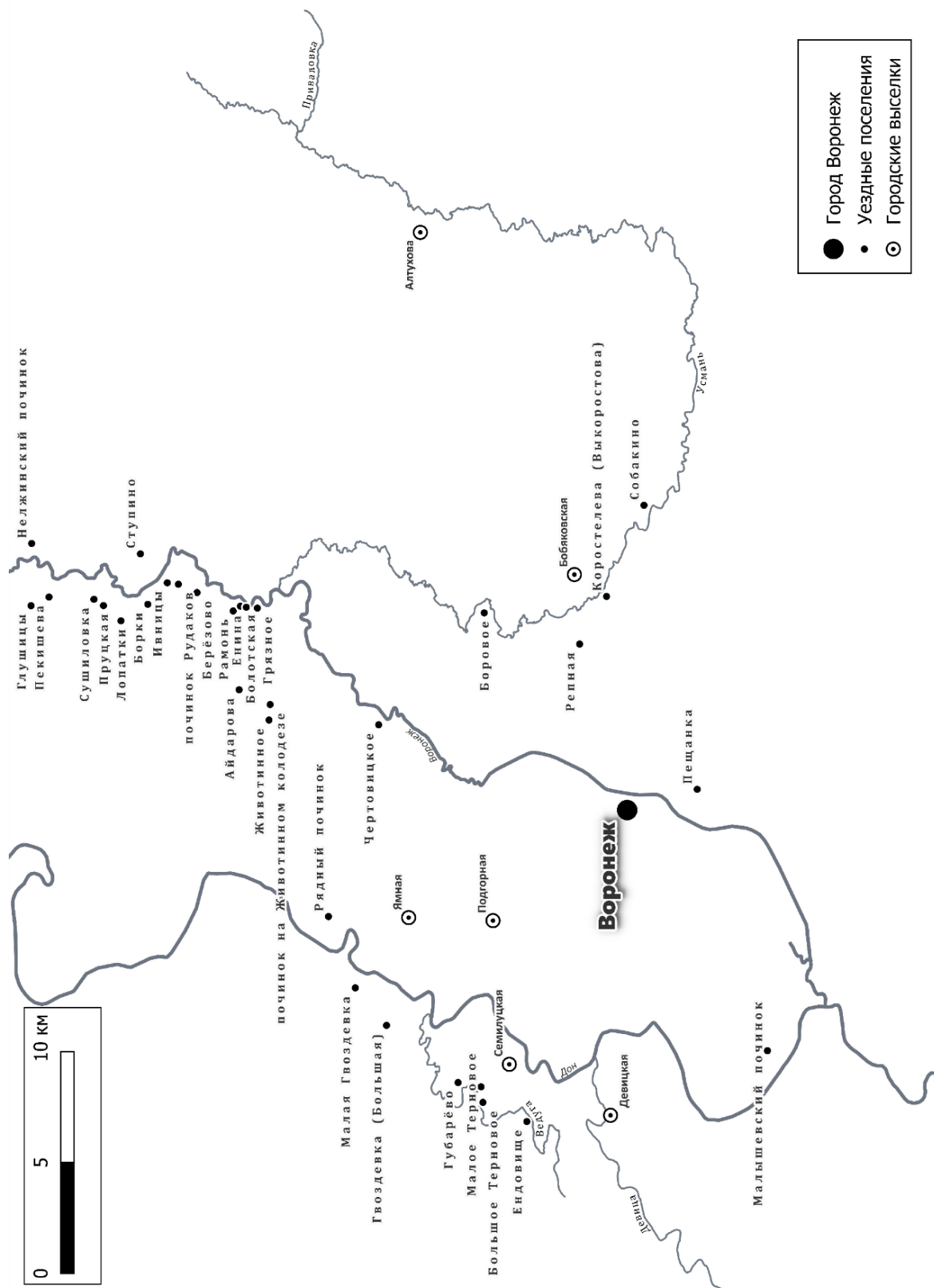
подъема участка. Распашка значительной части этих угодий была невозможна или сопряжена с большими трудозатратами.

Тенденция к самовольному захвату земель приборными людьми ясно прослеживается по историческому рубежу XVI–XVII вв. Городские люди обживались в новом крае, присматривали и занимали территории, казавшиеся привлекательными с точки зрения земельного освоения. Об этом свидетельствует история починка Рядного и д. Репной. После Смуты земельный фонд на южнорусской окраине уже не казался правительству безграничным, оно отказалось признать за приборными чинами эти заимки, чтобы не поощрить новые земельные захваты. Расширение городского землевладения в пределах уездной территории, где активно испомещались дети боярские, стало затруднительным. Две составные части военно-служилого сообщества, город и уезд, были искусственно противопоставлены друг другу. Таким образом, в землеустройстве городских приборных чинов видна долговременная, настойчиво проводимая стратегия, нацеленная на ограничение роста городских земель, замыкание владений горожан внутри территории, непосредственно примыкающей к городу.

Приложение 1

Карта южной части Воронежского уезда в 1615 г.

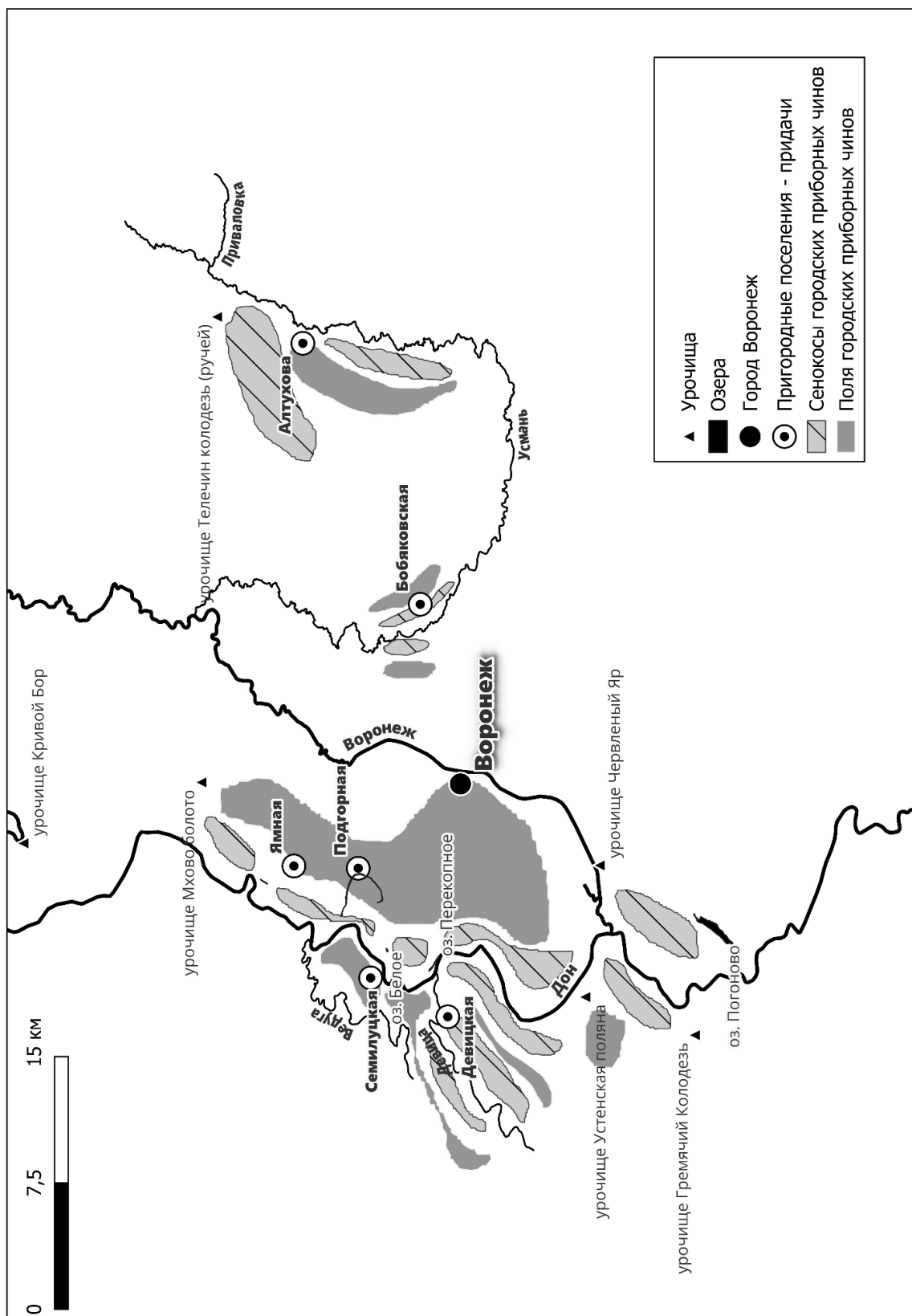
Уездные поселения и городские выселки

Приложение 2

Карта-схема пашенных и сенокосных угодий городских служилых людей по прибору в 1615 г.

Источники

- Антилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М., 1967. 541 с.
- Воронежский край – Воронежский край с древнейших времен до конца XVII в. Документы и материалы по истории края / Сост. В. П. Загоровский. Воронеж, 1976. 192 с.
- Материалы – Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронеж, 1891. Т. 2: Воронежские писцовые книги. [2], II, 296 с.
- Российская крепость – Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 гг. Елец, 2001. 274 с.
- Сторожев В. Н. Воронежское дворянство по десятиям XVII века // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 год / Сост. Ст. Зверев. Воронеж, 1894. С. 77–110.

Литература

- Аракчеев В. А. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков, 2004. 360 с.
- Багалец Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. 2, II, XVI, 614 с., [1] л. карт.
- Глазьев 1987 – Глазьев В. Н. Воронежские стрельцы и их роль в экономическом развитии края в XVII веке // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 23–33.
- Глазьев 1989 – Глазьев В. Н. Размещение стрельцов в городах Черноземного края в XVII в. // Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период). Воронеж, 1989. С. 42–49.
- Глазьев 2018 – Глазьев В. Н. Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI – XVII веках. Воронеж, 2018. 268, [2] с.
- Глазьев 2019 – Глазьев В. Н. Города-крепости Российского Черноземья в 1604–1618 гг.: гражданская война и ее преодоление // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 2. С. 103–112. DOI 10.15688/jvolsu4.2019.2.9
- Глазьев 2020а – Глазьев В. Н. «Стрелецкие головы» в городах южного пограничья в XVII в. // История: факты и символы. 2020. № 1 (22). С. 61–68. DOI 10.24888/2410-4205-2020-22-1-61-68
- Глазьев 2020б – Глазьев В. Н. Города на Юге России в XVII веке: состав и численность населения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 2. С. 80–85.
- Дубман 2017 – Дубман Э. А. Военизированное население Южного Средневожья в середине XVII – начале XVIII в.: некоторые итоги изучения // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23. № 1–1. С. 7–14.
- Дубман 2019 – Дубман Э. А. Крепостное строительство на юго-востоке европейской России в конце XVI – начале XVII века // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 171–177. DOI 10.24411/2309-4370-2019-14209
- Загоровский 1969 – Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. 304 с., 1 л. карт.
- Загоровский 1973 – Загоровский В. П. Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж, 1973. 136 с.
- Загоровский 1987 – Загоровский В. П. Общий очерк истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 3–23.
- Загоровский 1991 – Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав России в XVI веке. Воронеж, 1991. 269, [1] с.

- Загоровский 1992 – *Загоровский В. П.* Воронежская историческая энциклопедия. Воронеж, 1992. 248, [2] с.
- Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. (опыт государственного строительства). М., 2008. 221, [2] с.
- Кадерова 2012 – *Кадерова Т. Н.* Служилые люди «по прибору» в Мордовском крае в XVII в. // Центр и периферия. 2012. № 2. С. 18–23.
- Кадерова 2013 – *Кадерова Т. Н.* Служилые люди по «прибору» на Атемаро-Саранской засечной черте в XVII веке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6–1 (32). С. 85–88.
- Камараули 2013 – *Камараули Е. В.* Эксплуатация природных ресурсов на южных окраинах Российского государства в XVII веке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 114–117.
- Камараули 2015 – *Камараули Е. В.* Поместное землевладение на Юге России в XVII веке (по материалам Воронежского уезда) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 1. С. 76–81.
- Камараули 2017 – *Камараули Е. В.* Военизированное население южных окраин Московского государства в первой трети XVII в. (на примере Воронежского уезда): боевой потенциал, землевладение и условия хозяйствования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2017. № 15 (264). С. 101–110.
- Камараули 2018а – *Камараули Е. В.* Вовлечение южного русского «дикого поля» в орбиту служилого землевладения в первой половине XVII века (по материалам Воронежского уезда) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2018. № 4. С. 39–44.
- Камараули 2018б – *Камараули Е. В.* К изучению «второго валового письма»: попытка поземельного описания Чертовицкого стана Воронежского уезда в 1685–1686 годах // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2018. № 1. С. 89–94.
- Камараули 2018в – *Камараули Е. В.* Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (на примере Воронежского уезда) // История: факты и символы. 2018. № 3 (16). С. 97–105.
- Камараули 2018г – *Камараули Е. В.* Основные тенденции перераспределения земельной собственности на территории южного русского пограничья в первой половине XVII в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2018. Т. 45. № 3. С. 498–506.
- Козляков 2000 – *Козляков В. Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. 208 с.
- Козляков 2019 – *Козляков В. Н.* Служилые люди России XVI–XVII веков. М., 2019. 544, [2] с.
- Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1677). СПб., 2009. 456, [8] с.
- Лаптева Т. А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010. 593, [1] с., [16] л. ил.
- Ляпин 2009 – *Ляпин Д. А.* Служилые люди старых служб в середине XVII века в южных уездах Российского государства (к постановке проблемы) // Позднесредневековый город II: Археология. История. Материалы II Всероссийского семинара, Тула, ноябрь 2007 г. Тула, 2009. С. 177–180.
- Ляпин 2017 – *Ляпин Д. А.* Урбанизация Центрально-Черноземного региона в конце XVI – начале XVIII вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3. С. 57–64.
- Ляпин 2019а – *Ляпин Д. А.* О записи крестьян в служилые люди крепостей юга России в конце XVI века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 182. С. 178–186. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-178-186

- Ляпин 2019б – Ляпин Д. А. Помещики и крестьяне на юге России в конце XVI – первой половине XVII в. // Проблемы аграрной истории России: Материалы Второй региональной научной конференции памяти профессора В. М. Важинского. Липецк, 2019. С. 8–11.
- Мизис Ю. А. Особенности формирования социальной психологии населения юга Русского государства в XVII в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. М., 2017. Вып. 5: Пятые чтения имени академика РАН Л. В. Милова. С. 199–202.
- Мизис Ю. А., Напольникова П. К. На южных рубежах Московского государства. Тамбов, 2022. Кн. 1: История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов XVI–XVII вв. (до 1635 г.). 231, [3] с.
- Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Ч. 1: Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века. [8], 310 с.
- Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. 572 с., [16] л. ил.
- Назаров В. Д. Феномен П. П. Ляпунова: провинциальное дворянство и политическая борьба в годы Смуты // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 10. С. 212–223.
- Никитин Н. И. Служилые «по прибору» как особая социальная группа Московского государства XVII века // ИЗ. М., 2022. Вып. 21 (139). С. 9–48.
- Новосельский 1938 – Новосельский А. А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // ИЗ. М., 1938. Т. 4. С. 21–40.
- Новосельский 1948 – Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. 448 с., 1 л. табл.
- Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. Изд. репринт. М., 2000. 288 с.
- Папков А. И. Освоение Российским государством южных окраин в XVI веке // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2013. № 1 (144). С. 71–81.
- Петрухинцев Н. Н. Структура, динамика и иерархия служилых «городов» в XVII веке // Cahier du Monde Russe. 2015. № 56. С. 137–174.
- Подворонежье. Воронеж, 1973. 205 с.
- Прохоров 1973 – Прохоров В. А. Вся Воронежская земля. Краткий историко-топонимический словарь. Воронеж, 1973. 367 с.
- Прохоров 1981 – Прохоров В. А. Липецкая топонимия. Воронеж, 1981. 160 с.
- Седашев В. Н. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII веке. М., 1912. [2], IV, 225 с.
- Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. 269, [3] с., [8] л. ил.
- Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. 583 с., 3 л. карт.
- Устюгов Н. В. Очерк древнерусской метрологии // ИЗ. М., 1946. Т. 19. С. 294–348.
- Флоря 2021 – Флоря Б. Н. Русское общество перед Смутой // Флоря Б. Н. Лекции по русской истории. М., 2021. С. 149–159.
- Флоря 2023 – Флоря Б. Н. Служебная организация и ее традиции в историческом развитии России // Города и люди старой России. К юбилею профессора Н. В. Козловой. М., 2023. (Труды исторического факультета МГУ; Т. 235. Сер. II: Исторические исследования.). С. 297–366.
- Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв.: с образования централизованного государства до реформ при Петре I. М., 1954. 224 с.

References

Arakcheev, V. A. Srednevekovyi Pskov: vlast', obshchestvo, povsednevnyaya zhizn' v XV–XVII vekakh. Pskov, 2004. 360 p. (In Russ.)

- Bagalei, D. I. Ocherki iz istorii kolonizatsii stepnoi okrainy Moskovskogo gosudarstva. Moscow, 1887. 2, II, XVI, 614 p., [1] l. of maps. (In Russ.)
- Chernov, A. V. Vooruzhennyye sily Russkogo gosudarstva v XV–XVII vv.: s obrazovaniya tsentralizovannogo gosudarstva do reform pri Petre I. Moscow, 1954. 224 p. (In Russ.)
- Dubman, E. L. Voenizirovannoe naselenie Yuzhnogo Srednevolzh'ya v seredine XVII – nachale XVIII v.: nekotorye itogi izucheniya. In *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. 2017. Vol. 23. No. 1–1. Pp. 7–14. (In Russ.)
- Dubman, E. L. Krepostnoe stroitel'stvo na yugo-vostoke evropeiskoi Rossii v kontse XVI – nachale XVII veka. In *Samarskii nauchnyi vestnik*. 2019. Vol. 8. No. 4 (29). Pp. 171–177. DOI 10.24411/2309-4370-2019-14209 (In Russ.)
- Florya, B. N. Russkoe obshchestvo pered Smutoi. In *Florya, B. N. Lektsii po russkoi istorii*. Moscow, 2021. Pp. 149–159. (In Russ.)
- Florya, B. N. Sluzhebnyaya organizatsiya i ee traditsii v istoricheskom razvitii Rossii. In *Goroda i lyudi staroi Rossii. K yubileyu professora N. V. Kozlovoi*. Moscow, 2023. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU; Vol. 235. Ser. II: Istoricheskie issledovaniya.). Pp. 297–366. (In Russ.)
- Glaz'ev, V. N. Voronezhskie strel'tsy i ikh rol' v ekonomicheskom razvitii kraya v XVII veke. In *Istoriya zaseleeniya i khozyaistvennogo osvoeniya Voronezhskogo kraya v epokhu feodalizma*. Voronezh, 1987. Pp. 23–33. (In Russ.)
- Glaz'ev, V. N. Razmeshchenie strel'tsov v gorodakh Chernozemnogo kraya v XVII v. In *Istoricheskaya geografiya Chernozemnogo tsentra Rossii (dooktyabr'skii period)*. Voronezh, 1989. Pp. 42–49. (In Russ.)
- Glaz'ev, V. N. Ocherki istorii goroda Voronezha i Voronezhskogo uyezda v kontse XVI – XVII vekakh. Voronezh, 2018. 268, [2] p. (In Russ.)
- Glaz'ev, V. N. Goroda-kreposti Rossiiskogo Chernozem'ya v 1604–1618 gg.: grazhdanskaya voyna i ee preodolenie. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2019. Vol. 24. No. 2. Pp. 103–112. DOI 10.15688/jvolsu4.2019.2.9 (In Russ.)
- Glaz'ev, V. N. “Streletskie golovy” v gorodakh yuzhnogo pogranch'ya v XVII v. In *Istoriya: fakty i simvolyy*. 2020. No. 1 (22). Pp. 61–68. DOI 10.24888/2410-4205-2020-22-1-61-68 (In Russ.)
- Glaz'ev, V. N. Goroda na Yuge Rossii v XVII veke: sostav i chislennost' naseleniya. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. 2020. No. 2. Pp. 80–85. (In Russ.)
- Kaderova, T. N. Sluzhilye lyudi “po priboru” v Mordovskom krae v XVII v. In *Tsentr i periferiya*. 2012. No. 2. Pp. 18–23. (In Russ.)
- Kaderova, T. N. Sluzhilye lyudi po “priboru” na Atemaro-Saranskoi zasechnoi cherte v XVII veke. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2013. No. 6–1 (32). Pp. 85–88. (In Russ.)
- Kamarauli, E. V. Ekspluatatsiya prirodnykh resursov na yuzhnykh okrainakh Rossiiskogo gosudarstva v XVII veke. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. 2013. No. 2. Pp. 114–117. (In Russ.)
- Kamarauli, E. V. Pomestnoe zemlevladienie na Yuge Rossii v XVII veke (po materialam Voronezhskogo uyezda). In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. 2015. No. 1. Pp. 76–81. (In Russ.)
- Kamarauli, E. V. Voenizirovannoe naselenie yuzhnykh okrain Moskovskogo gosudarstva v pervoi treti XVII v. (na primere Voronezhskogo uyezda): boevoi potentsial, zemlevladienie i usloviya khozyaistvovaniya. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*. 2017. No. 15 (264). Pp. 101–110. (In Russ.)
- Kamarauli, E. V. Vovlechenie yuzhnogo russkogo “dikogo polya” v orbitu sluzhilogo zemlevladieniya v pervoi polovine XVII veka (po materialam Voronezhskogo uyezda). In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. 2018. No. 4. Pp. 39–44. (In Russ.)

- Kamarauli, E. V. K izucheniyu “vtorogo valovogo pis'ma”: popytka pozemel'nogo opisaniya Chertovitskogo stana Voronezhskogo uyezda v 1685–1686 godakh. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. 2018. No. 1. Pp. 89–94. (In Russ.)
- Kamarauli, E. V. Formirovanie poselencheskoi struktury v yuzhnykh uezdakh Rossii v pervoi polovine XVII v. (na primere Voronezhskogo uyezda). In *Istoriya: fakty i simvoly*. 2018. No. 3 (16). Pp. 97–105. (In Russ.)
- Kamarauli, E. V. Osnovnye tendentsii pereraspredeleniya zemel'noi sobstvennosti na territorii yuzhnogo russkogo pogranich'ya v pervoi polovine XVII v. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*. 2018. Vol. 45. No. 3. Pp. 498–506. (In Russ.)
- Kozlyakov, V. N. Sluzhilyi “gorod” Moskovskogo gosudarstva XVII veka (ot Smuty do Sobornogo ulozheniya). Yaroslavl, 2000. 208 p. (In Russ.)
- Kozlyakov, V. N. Sluzhilye lyudi Rossii XVI–XVII vekov. Moscow, 2019. 544, [2] p. (In Russ.)
- Kuts, O. Yu. Donskoe kazachestvo v period ot vzyatiya Azova do vystupleniya S. Razina (1637–1677). Saint Petersburg, 2009. 456, [8] p. (In Russ.)
- Lapteva, T. A. Provintsial'noe dvoryanstvo Rossii v XVII veke. Moscow, 2010. 593, [1] p., [16] l. of il. (In Russ.)
- Lyapin, D. A. Sluzhilye lyudi starykh sluzhb v seredine XVII veka v yuzhnykh uezdakh Rossiiskogo gosudarstva (k postanovke problemy). In *Pozdnesrednevekovi gorod II: Arkheologiya. Istoriya. Materialy II Vserossiiskogo seminara, Tula, noyabr' 2007 g.* Tula, 2009. Pp. 177–180. (In Russ.)
- Lyapin, D. A. Urbanizatsiya Tsentral'no-Chernozemnogo regiona v kontse XVI – nachale XVIII vv. In *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2017. No. 3. Pp. 57–64. (In Russ.)
- Lyapin, D. A. O zapisi krest'yan v sluzhilye lyudi krepostei yuga Rossii v kontse XVI veka. In *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2019. Vol. 24. No. 182. Pp. 178–186. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-182-178-186 (In Russ.)
- Lyapin, D. A. Pomeschchiki i krest'yane na yuge Rossii v kontse XVI – pervoi polovine XVII v. In *Problemy agrarnoi istorii Rossii: Materialy Vtoroi regional'noi nauchnoi konferentsii pamyati professora V. M. Vazhinskogo*. Lipetsk, 2019. Pp. 8–11. (In Russ.)
- Miklashevskii, I. N. K istorii khozyaistvennogo byta Moskovskogo gosudarstva. Moscow, 1894. Part 1: Zaselение i sel'skoe khozyaistvo yuzhnoi okrainy XVII veka. [8], 310 p. (In Russ.)
- Milov, L. V. Velikorusskii pakhar' i osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsessa. Moscow, 1998. 572 p., [16] l. of il. (In Russ.)
- Mizis, Yu. A. Osobennosti formirovaniya sotsial'noi psikhologii naseleniya yuga Russkogo gosudarstva v XVII v. In *Rus', Rossiya. Srednevekov'e i Novoe vremya*. Moscow, 2017. Iss. 5: Pyatye chteniya imeni akademika RAN L. V. Milova. Pp. 199–202. (In Russ.)
- Mizis, Yu. A., Napol'nikova, P. K. Na yuzhnykh rubezhakh Moskovskogo gosudarstva. Tambov, 2022. Book 1: Istoriya zaseleniya i osvoeniya Tambovskogo i Kozlovskogo uezdov XVI–XVII vv. (do 1635 g.). 231, [3] p. (In Russ.)
- Nazarov, V. D. Fenomen P. P. Lyapunova: provintsial'noe dvoryanstvo i politicheskaya bor'ba v gody Smuty. In *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2012. No. 10. Pp. 212–223. (In Russ.)
- Nikitin, N. I. Sluzhilye “po priboru” kak osobaya sotsial'naya gruppa Moskovskogo gosudarstva XVII veka. In *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 2022. Iss. 21 (139). Pp. 9–48. (In Russ.)
- Novosel'skii, A. A. Rasprostranenie krepostnicheskogo zemlevladieniya v yuzhnykh uezdakh Moskovskogo gosudarstva v XVII v. In *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1938. Vol. 4. Pp. 21–40. (In Russ.)
- Novosel'skii, A. A. Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoi polovine XVII veka. Moscow; Leningrad, 1948. 448 p., 1 l. of tabl. (In Russ.)
- Papkov, A. I. Osvoenie Rossiiskim gosudarstvom yuzhnykh okrain v XVI veke. In *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*. 2013. No. 1 (144). Pp. 71–81. (In Russ.)
- Pavlov-Sil'vanskii, N. P. Gosudarevy sluzhilye lyudi. Izd. reprint. Moscow, 2000. 288 p. (In Russ.)

- Petrukhintsev, N. N. Struktura, dinamika i ierarkhiya sluzhilykh “gorodov” v XVII veke. In *Cahier du Monde Russe*. 2015. No. 56. Pp. 137–174. (In Russ.)
- Podvoronezh'e. Voronezh, 1973. 205 p. (In Russ.)
- Prokhorov, V. A. Vsyā Voronezhskaya zemlya. Kratkii istoriko-toponimicheskii slovar'. Voronezh, 1973. 367 p. (In Russ.)
- Prokhorov, V. A. Lipetskaya toponimiya. Voronezh, 1981. 160 p. (In Russ.)
- Sedashev, V. N. Ocherki i materialy po istorii zemlevladieniya Moskovskoi Rusi v XVII veke. Moscow, 1912. [2], IV, 225 p. (In Russ.)
- Stanislavskii, A. L. Grazhdanskaya voina v Rossii XVII v.: Kazachestvo na perelome istorii. Moscow, 1990. 269, [3] p., [8] l. of il. (In Russ.)
- Tikhomirov, M. N. Rossiya v XVI stoletii. Moscow, 1962. 583 p., 3 l. of maps. (In Russ.)
- Ustyugov, N. V. Ocherk drevnerusskoi metrologii. In *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1946. Vol. 19. Pp. 294–348. (In Russ.)
- Zagorovskii, V. P. Belgorodskaya cherta. Voronezh, 1969. 304 p., 1 l. of maps. (In Russ.)
- Zagorovskii, V. P. Istoricheskaya toponimika Voronezhskogo kraja. Voronezh, 1973. 136 p. (In Russ.)
- Zagorovskii, V. P. Obshchii ocherk istorii zaseleniya i khozyaistvennogo osvoeniya yuzhnykh okrain Rossii v epokhu zrelogo feodalizma. In *Istoriya zaseleniya i khozyaistvennogo osvoeniya Voronezhskogo kraja v epokhu feodalizma*. Voronezh, 1987. Pp. 3–23. (In Russ.)
- Zagorovskii, V. P. Istoriya vkhozheniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossii v XVI veke. Voronezh, 1991. 269, [1] p. (In Russ.)
- Zagorovskii, V. P. Voronezhskaya istoricheskaya entsiklopediya. Voronezh, 1992. 248, [2] p. (In Russ.)
- Zenchenko, M. Yu. Yuzhnoe rossiiskoe porubezh'e v kontse XVI – nachale XVII v. (opyt gosudarstvennogo stroitel'stva). Moscow, 2008. 221, [2] p. (In Russ.)

Elena V. Kamarauli

Voronezh State University, Voronezh, I. A. Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

A CITY AND A COUNTY IN THE SOUTH OF RUSSIA AT THE END OF THE 16th – THE BEGINNING OF THE 17th CENTURY:
THE FORMATION OF THE SERVICE LAND OWNERSHIP OF VORONEZH CITY “PRIBOR” RANKS

In line with the study of colonization processes that took place on the southern Russian outskirts at the turn of the 15th–17th centuries, the article considers the government strategy for the formation of an urban military service community and manage the lands of recruited servicemen, the first settlers on the steppe frontier. Using the example of Voronezh and the county, the first attempt is made to localize the land ownership of recruited servicemen on the ground and show its placement on the map using GIS-technologies.

Keywords: land ownership, land management, recruited ranks, serving people, a county, a city, South of Russia, 16th century, 17th century, GIS-technologies, Voronezh